

ПЬЕСА Константина Симонова «Четвертый» поставлена в Москве театром-студией «Современник». И пьеса и спектакль по-настоящему современны. Что это значит?

Начнем не с самого главного — с того, чтоменуется обычно «мнимыми приметами современности».

Они, эти приметы, порой действительно бывают мнимыми — авторский голос, единая на весь спектакль и в высшей степени условная конструктивная установка, мгновенная переборка действия во времени и пространстве. Обо всех этих авторских и режиссерских «приемах» принято говорить, что они «заимствованы» театром у кино. Так оно и есть в тех случаях, когда «примемы» эти существуют сами по себе, как дань «моды».

В спектакле, о котором идет речь, «примемы» эти перестают быть приемами, они — следствие глубокого и точного авторского замысла, и современность их теснейшим образом связана с современностью темы, современностью мысли авторов спектакля.

Да, это очень «авторский» спектакль. Автор его, театр-студия «Современник», нашел в пьесе Константина Симонова свою тему — тему ответственности человека перед временем, перед самим собой, перед памятью погибших, перед судьбой живых. Тема эта звучала еще в первой работе театра, которая сохраняется в его репертуаре — спектакле «Вечно живые».

«Вечно живые» — герои и этой, новой работы «Современника». Вечно живые — это те, кто погиб в боях с фашизмом, те, кому обзаны мы и своим настоящим и своим будущим.

В пьесе и спектакле (режиссер Олег Ефремов) они возникают в памяти того, кто именуется просто «Он».

«Он» — журналист, живет на том, другом континенте. В прошлом у «Него» — Испания, бои с фашизмом, немецкий концлагерь, побег... В настоящем... Впрочем, настоящее у «Него» таково, что «Он» не очень любит вспоминать свое прошлое.

И вот случайно «Он» узнает такое, от чего, быть может, зависит будущее всего человечества. Если журналист поступит так, как подсказывает ему его совесть, — тогда прощай «Благополучие», прощай то, чего добился он ценою сделки с совестью, ценою отказа от самого лучшего, что было в его прошлом.

Как поступить?

Чтобы ответить на этот вопрос, «Он» зовет друзей своей юности, трех товарищей, плечом к плечу с которыми он когда-то сражался с фашизмом. Потом «Он» сидел вместе с ними в немецком концлагере. Они погибли, чтобы дать возможность спастись другим, а том числе и «Ему». «Он» тоже готов был тогда вместе с ними тремя, «четвертым», пожертвовать своей жизнью ради жизни товарищей.

Но то было тогда. А сейчас..

Сейчас журналист колеблется. О, если бы «Он» точно знал, что от его «да» или «нет» действительно зависит судьба человечества.

Вечно живые друзья его юности, которых «Он» позвал для того, чтобы они распустили «Его» с совестью, дают ему единственно правильный совет: каждый из нас, каждым своим «да» или «нет» принимает на себя ответственность за всех.

Об этом рассказывает спектакль. В этом его современность.

Пусть события, о которых говорится в пьесе, происходят «на том, другом континенте». Театр и вслед за ним и зрителей интересует не движение «событий», а движение мысли, мысли острой, бесстрашной, ищущей, мысли, становящейся действием.

И в этом — также современность спектакля.

Пьесу Симонова можно, разумеется, решать по-разному. Она по-настоящему многоплановая, и каждый творческий коллектив, взявшийся за ее постановку, найдет в ней что-то «свое». Свидетельство тому, например, интереснейший спектакль Ленинград-

Суд совести

ТЕАТР

ского Большого драматического театра имени Горького, предельно не похожий на спектакль «Современника».

«Современник» решил спектакль очень по-своему, «по-современнически». Ленинградцев (режиссеры Г. Товстоногов и Р. Агамирзян) в пьесе Симонова интересует в первую очередь драматизм событий, драматизм характеров, их психологическая многоплановость. Спектакль «Современника» проща, «прямее», графичнее. Характеры его как бы только намечены. Так же как автор пьесы не сообщил о своем герое паспортных данных, назвал его просто «Он», так и Олег Ефремов, исполнитель этой роли, не пытается исследовать характер своего героя. Его интересует характер его мысли. Это он, Олег Ефремов, — актер советского театра, размышляет, спорит, думает перед нами, заставляет и нас, зрителей, принять участие в споре с самим собой. В этом своеобразии спектакля, та его «авторская окраска, о которой уже выше говорилось».

Интонация его, какая-то очень личная, интимная, очень лирическая, возникает в первую же минуту, когда мы слышим голос кот автора. И этой тональностью, которую хочется назвать тональностью «кот себя», пронизан в дальнейшем и весь спектакль.

Он идет на едином дыхании, одним потоком. Каждый герой его, каждый участник его решает здесь, сегодня и для себя один и тот же, волнующий всех вопрос. Этот вопрос решает и зритель — каждый зритель в отдельности и все вместе.

И это также «работает» на тему спектакля — тему личной ответственности каждого из нас за все, что происходит в мире. Зрителей, осаждающих подвезд «Современника» в дни, когда идет спектакль, привлекала в театр внутренняя потребность еще и еще раз задуматься над огромностью своей роли на земле, еще и еще раз проверить каждый свой поступок, большой и малый, соотнести его и с нашим прошлым и с нашим будущим.

Так рождается масштабность этого очень задумчивого и в то же время стремительного спектакля. Так публицистичность его окрашивается лирикой, а лирика обретает публицистическую страстность и философскую наполненность.

И в этом тоже его современность.

Посмотрите этот спектакль. Он не из тех, на которых «приятно проводить время». Он из тех, на которых думают.

И судят. Может быть, даже себя.

Я. БЕРЕЗНИКОВ

Консультант
1961, 1962